

Потребность в «писчих и счетных людях» в заводах чувствовалась давно, и школы там существовали уже в XVIII веке. Жестокие формы старинной учебы здесь, видимо, развернулись во-всю. Вот, например, документ из того времени, когда заводская школа «словесной грамоты, цифири и пения» помещалась еще при церкви.

Сысертский поп Куликов «репортовал» своему начальству в 1776 году: «Сего генваря 6 числа, во время утреннего пения на чтении по шестой песни канона слова похвального находящихся при Сысертском заводе при получении словесной грамоте и пению детей служитель. А. Дулов, унимая собравшихся малолетов от резвости и между тем малолета Ипполита Алексеева, за правым клиросом резвящегося, простосердечно ударил кулаком по голове, у которого внезапно прошиб голову и в церкви пол потекшею из головы кровью окровенил и по той причине литургисать я был опасен».

«Резвящемуся малолетку» прошибают голову, льется столько крови, что поп не решается даже служить в этот день в церкви. Куда уж дальше?

Эти зверские порядки велись в заводской школе и в последующее время, когда она уже была в другом помещении. Учить и бить были почти равнозначными выражениями.

Параллельно с заводской школой работали и отдельные «мастера», малограмотные люди, знавшие только псалтырь, как единственный способ насаждения этой премудрости в головы заводской детворы.

Простегнутое ухо, рассеченный висок, исполованная спина — все же были не так страшны ребятишкам и их отцам, как «настоящая» заводская учеба с ее «простосердечным» прошибанием голов и поркой «в посолонь».

Ребята, попавшие из школьного застенка к «мастеру», который употреблял одну лишь плетку, считали себя счастливыми и иногда проводили свой переход из школы к «мастеру» тайком от родителей.

От отца я знаю, что он с первых же шагов в школе попал в такой переплет, что решил сбежать к безногому «мастеру» Банникову. Мастер принял, и отец начал ходить к нему в часы школьных занятий. Родители некоторое время не знали о самовольстве, но месяца через три пришлось им сообщить об этом, так как нужно было платить «мастеру».

В какой-то большой праздник запрягся отец в тележку и повез своего безногого учителя домой. Дома, конечно, удивились неожиданному приезду Банникова, но когда он объявил, что «малец вытолмил склады», то пришлось — такова уж сила обычная! — устроить «ввод во псалтырь». За бутылкой «ввода» старики окончательно договорились, и отец остался в обучении Банникова. Там в компании с двумя десятками других школьных беглецов и проходил науки: псалтырь, краснопись, на которую учитель особенно налегал, и арифметику, но когда дошли до именованных чисел, то «мастер» откровенно заявил: «Дальше не знаю: учитесь сами».

Этого Банникова и еще двух таких же «мастеров» я хорошо знал. Работа с трехвосткой наложила на них особый отпечаток всегдашней свирепости. В пору моего детства «мастера» уже не учили. Они нашли себе более подходящее занятие — читать по покойникам.

Но справедливость требует сказать, что эти чтецы по покойникам все-таки были лучше тех заводских служителей, которых заводское начальство «приставляло к школе». Выученики этих «мастеров» и составляли кадр заводских «приказных», бойко и красиво строчивших свои «реестры и сортаменты» и подводивших итоги владельческих барышей. Были из них и такие, которые, вооружившись псалтырной премудростью, ухитрились вести сложный бухгалтерский учет предприятия. Незнание общепринятых приемов заменялось усиленной работой костяшек, но учет все-таки был правилен, хотя и велся по какой-то необыкновенной системе под руководством главного бухгалтера, который сам был из числа таких же «выучеников мастера» и до конца своей жизни не узнал тайны простых и десятичных дробей.

Старая заводская школа не давала даже этого. Там сплошь забивали учеников, если не досмерти, то во всяком случае до полного отупения. И выходцы из этой школы всегда вспоминали о ней как о пытке, длительной, беспощадной и ненужной.

Школ, сколько-нибудь похожих на школы фабричного ученичества, в Сысертском округе до последнего времени не существовало.

Просто мальчуганов — в возрасте от 12 до 15 лет — принимали на подсобную работу и если они не «сматывались», то становились рабочими, подмастерьями, мастерами.

Главным учителем, пожалуй, можно назвать тяжелое «паленьговское» полено, на котором испытывалась физическая сила и выносливость подростка. Опасность «посадить доменного козла» приучила к внимательности и выдержке, а бесконечные огненные змеи разной ширины, бежавшие по всем направлениям фабрики, приучили к рассчитанным, точным движениям, так как оплошность грозила уродством, а иногда и смертью.

Попасть в механическую или столярную было труднее, да и не всякому можно было здесь выучиться. Стать хорошим слесарем, токарем, модельщиком можно было только при условии, если кто-нибудь из старших рабочих внимательно следит за работой начинающего и дает ему необходимые указания. Если этого не было, то выходила лишь порча материалов, за которую обыкновенно подростка «выгоняли».

Эта особенность выучки давала возможность попадать в механическую и столярную лишь тем ребятам, у которых там имелся какой-нибудь близкий человек: отец, старший брат. В силу этого профессии слесарей, токарей, зубильщиков, краснодеревцев, модельщиков, считались привилегией сравнительно немногих заводских семейств.

Требования по части количества и чистоты выработки предъявлялись к учениками механической и столярной настолько высокие, что взрослым приходилось «натаскивать» ребят дома и, кроме того, помогать исправлять и доделывать во время работ. Так, однако, чтобы начальство не видело. Заработок же этих заводских учеников был самый незначительный.

«Учат их — да еще им же и плати! Мало ли портят», — говорили представители заводоуправления. А выходило обычное жульничество: заводы брали дополнительно труд наиболее квалифицированных рабочих, платили же им, как подросткам.